

Научная статья

УДК 32

EDN TVFEVA

Формирование политической элиты на Донбассе до 2014 г. в составе Украины: общий контекст и предпосылки

Иван Петрович Джуляк¹, Алексей Олегович Шуликов²

¹Правительство Камчатского края, Петропавловск-Камчатский, Россия

^{1,2}Камчатский государственный технический университет, Петропавловск-Камчатский, Россия

¹dzyliak@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0007-6428-4283>

²aoshulikov@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9785-7128>

Аннотация

Введение. Процесс становления политических элит в постсоветских государствах имеет ряд общих черт. Вместе с тем, имеется и специфика, определяемая историей, культурой конкретной территории, а также сложившейся ситуацией в момент распада СССР.

Общими чертами становления элит являются: активное участие партийной и советской бюрократии. Однако уже здесь имелись существенные отличия между российской ситуацией и положением дел на Украине. Российская элита изначально воспринимала себя как преемников «старой элиты», а Российская Федерация не только элитой, но и населением страны осознавалась как обновленный Советский Союз. Соответственно, проблема самосознания стояла не так остро, как в иных постсоветских странах, где необходимо было выстроить новую политическую нацию.

Цель. Анализ формирования и трансформации элит на Донбассе, исследование причин глубокого структурного кризиса, приведшего к конфликту на Украине.

Материалы и методы. В работе применялись общенаучные и специальные методы исследования, в том числе, такие как анализ, синтез, комплексный системный подход, сравнение, обобщение. В процессе работы использовались методы ретроспективного и логического анализа.

В процессе исследования авторы опирались на совокупность научных методов познания: наблюдение, опрос, сравнение и обобщение. Основу исследования составили положения о рекрутировании политической элиты, её формировании, функциях и роли.

Эмпирическую базу исследования составили научные публикации, собственные социологические исследования о роли политической элиты на исторических территориях Российской Федерации.

Результаты. В статье рассматриваются формирование и трансформация элит на постсоветском пространстве, с фокусом на Украине и, в частности, на Донбассе. Основной вывод заключается в том, что ключевым расколом, определившим дальнейшее развитие политической ситуации на Украине, стал не только конфликт между пророссийскими и проевропейскими векторами, но и глубокое внутреннее противоречие между разными типами элит и региональными идентичностями, унаследованными с советских времён.

Выводы. Проведённое исследование показывает, что конфликт на Украине – это не просто геополитический выбор между Западом и Востоком. Это следствие глубокого структурного кризиса, вызванного следующими факторами: неоднородность политических и экономических элит; нереализованный проект общеукраинского нациестроительства; формирование олигархического государства; ценностный разрыв между различными регионами Украины.

Ключевые слова: элита, политическая элита, геополитика, суверенитет, государственное управление, стратегия развития, олигархия, постсоветский период

Для цитирования: Джуляк И. П., Шуликов А. О. Формирование политической элиты на Донбассе до 2014 г. в составе Украины: общий контекст и предпосылки // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2025. № 3. С. 182–190. EDN TVFEVA

Formation of the political elite in Donbas before 2014 as part of Ukraine: general context and background

Ivan P. Dzhulyak¹, Aleksey O. Shulikov²

¹Government of the Kamchatka Territory, Petropavlovsk-Kamchatskiy, Russia

^{1,2}Kamchatka State Technical University, Petropavlovsk-Kamchatskiy, Russia

¹dzilyak@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0007-6428-4283>

²aoshulikov@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9785-7128>

Abstract

Introduction. The process of formation of political elites in post-Soviet states has a number of common features. At the same time, there are also specifics determined by the history, culture of a particular territory, as well as the situation developed at the time of the collapse of the USSR.

The common features of the formation of the elites are: active participation of the party and Soviet bureaucracy. However, there were already significant differences between the Russian situation and the situation in Ukraine. The Russian elite initially perceived themselves as the successors of the "old elite", and the Russian Federation was perceived not only by the elite, but also by the population of the country, as the renewed Soviet Union. Accordingly, the problem of self-awareness was not as acute as in other post-Soviet countries, where it was necessary to build a new political nation.

Purpose. The analysis of the formation and transformation of elites in Donbas, the study of the causes of the deep structural crisis that led to the conflict in Ukraine.

Materials and methods. General scientific and special research methods have been used in the work, including analysis, synthesis, an integrated system approach, comparison, and generalization. In the course of the work, methods of retrospective and logical analysis were used.

In the course of the research, the authors relied on a set of scientific methods of cognition: observation, survey, comparison and generalization. The research is based on the provisions on the recruitment of the political elite, its formation, functions and role.

The empirical basis of the research have been made up of scientific publications, the an authors own sociological research into the role of the political elite on the historical territories of the Russian Federation.

Results. The article examines the formation and transformation of elites on the post-Soviet area with a focus on Ukraine and, in particular, the Donetsk Basin. The main conclusion is that the key split that determined the further development of the political situation in Ukraine was not only the conflict between pro-Russian and pro-European vectors, but also a deep internal contradiction between different types of elites and regional identities inherited from Soviet times.

Conclusions. The research conducted shows that the conflict in Ukraine is not just a geopolitical choice between the West and the East. At is a consequence of a deep structural crisis caused by the following factors: the heterogeneity of political and economic elites; the unrealized project of pan-Ukrainian nation building; the formation of an oligarchic state; a value gap between different regions of Ukraine.

Keywords: elite, political elite, geopolitics, sovereignty, public administration, development strategy, oligarchy, post-Soviet period

For citation: Dzhulyak I. P., Shulikov A. O. Formation of the political elite in Donbas before 2014 as part of Ukraine: general context and background. *State and Municipal Management. Scholar Notes*. 2025;(3):182–190. EDN TVFEVA

Введение

Процесс становления элит в постсоветских государствах имеет ряд общих черт. Вместе с тем, имеется и специфика, определяемая историей, культурой конкретной территории и ситуацией в момент распада СССР. Начнем рассмотрение с общего, что объединяло процесс становления элит на постсоветском пространстве. В процессе становление элит все постсоветское пространство объединяло активное участие в этом процессе бывшей партийной и советской бюрократии. При всем том, что задача обмена власти на собственность, или дележ «советского трофея» были общим моментом для всех постсоветских стран, включая Россию, именно

эта группа в начальный постсоветский период обеспечила относительно мирный «развод» бывших советских республик, новых независимых государств [1].

Однако уже здесь имелись существенные отличия между российской ситуацией и положением дел в новых независимых государствах, в том числе и на Украине. Российская элита, особенно та её часть, которая была связана с высшей партийно-государственной номенклатурой СССР, изначально воспринимала себя как преемников «старой элиты», а Российская Федерация не только элитой, но и населением страны осознавалась как обновленный («с человеческим лицом») Советский Союз. Соответственно, проблема самосознания стояла не так остро, как в иных постсоветских странах, где новая государственная элита была, по сути, в СССР элитой региональной, которая должна была выстроить новую политическую нацию или найти «империю», по отношению к которой она могла выступить «региональными представителями» [2].

Материалы и методы

В работе применялись общенаучные и специальные методы исследования, в том числе, такие как анализ, синтез, комплексный системный подход, сравнение, обобщение. В процессе работы использовались методы ретроспективного и логического анализа. В процессе исследования авторы опирались на совокупность научных методов познания: наблюдение, опрос, сравнение и обобщение. Основу исследования составили положения о рекрутировании политической элиты, её формировании, функциях и роли.

Эмпирическую базу исследования составили научные публикации, собственные социологические исследования о роли политической элиты на исторических территориях Российской Федерации.

Результаты

В рамках построения новых политических элит на постсоветском пространстве руководством этих стран, были выбраны следующие стратегии.

Первая стратегия была направлена на «поиск центра», поиск новой империи, в рамках которой старые региональные элиты вновь могли бы занять привычное и комфортное для себя положение, одновременно решив проблемы нациестроительства [3]. Такую «новую империю» постсоветские элиты и усмотрели в Европейском Союзе. Причем, часть из них (Прибалтийские государства) сделали это вполне успешно, став региональными элитами новой империи, частично войдя в состав общеимперских (в рамках ЕС) элит. Это во многом определялось тем, что исторически эти государства длительный период входили в состав иных (не России) политических образований, обладали опытом автономного существования.

Вторая стратегия заключалась в построении (конструировании) собственного прошлого, отличного от того, которое присутствовало в официальном дискурсе. Невозможность немедленной интеграции в новую империю и самоопределения в ней приводили к стремлению конструировать «виртуальную империю» или «виртуальную политику», в рамках которой протекало бы нациестроительство. Пожалуй, наиболее активными здесь были Среднеазиатские государства. Отсюда акцентирование общественного внимания на образе Исмаила Самани в Таджикистане, Тамерлана в Узбекистане и Казахстане и т.д.

В украинской политике в этом направлении стал продвигаться «Народный Рух Украины», стремящийся выстроить новую политическую нацию на основе «украинской культуры». Но и здесь возникали серьезные противоречия. Под «настоящей украинской культурой» понималось не положение дел в стране в целом, но культура конкретного региона – Западной Украины, Прикарпатья. Предполагалось, что именно она, в меньшей мере подвергнутая советизации, более полно сохранила в себе изначальные украинские корни. При этом, сам процесс «конструирования нации» осуществлялся в столичных (киевских) и частично львовских интеллектуальных центрах, ориентировался на крайне вольную интерпретацию исторических событий [4].

Конечно, в процессе нациестроительства всегда оказывались группы, которые не удавалось включить в общий контекст [5]. Такие группы так или иначе стигматизировались, вытеснялись. Но в большинстве случаев речь шла о незначительной части населения. Для Украины же речь шла едва ли не о половине населения.

Персоны, которые поднимались на щит, этими политиками, на юге и востоке страны воспринимались крайне неоднозначно, если не полностью негативно, как и сам процесс украинизации.

Это вызвало серьезные проблемы в остальных, включая центральные регионы страны, потому на первом этапе общенациональной поддержки не получила. Однако постепенно возникают факторы, вновь выдвинувшие идеи украинизации и антироссийской политики на авансцену политической жизни Украины.

Как и в остальных постсоветских государствах, наряду с бывшими партийно-административными деятелями и «прорабами перестройки» из творческой интеллигенции, в состав элиты входили многочисленные представители «свободного бизнеса» самого разного генезиса [6]. Это были и выходцы из спортивного мира, и из первых кооператоров эпохи горбачевской перестройки, и из криминала позднего СССР. Они устанавливали связи с политическим руководством страны, постепенно приобретая характер «теневой элиты» стран.

В целом, эта ситуация, как и межэлитные столкновения 90-х и начала 2000-х годов, повторяла события в России. Однако, украинский центр не пережил резкой смены персонального состава в той форме, которую он пережил в России. Главное же, не возникло того подавляющего ресурса у центра, давшего возможность экономически связать страну. Есть и еще одно, на наш взгляд, значимое обстоятельство, отличающее украинскую и российскую ситуацию.

Новые *политические* группы, тесно связанные с украинскими элитами периода СССР и элитами нового проекта нацистроительства географически располагались между Киевом (центром власти) и западными регионами страны (центр идеологии). Они же контролировали «трубу» (транзит российских углеводородов в Европу).

Экономические же элиты, захватившие большую часть «советского трофея» Украины, тяготея к Востоку и Югу. Достаточно долгое время эти две группы не особенно пересекались между собой. Точнее, коммуникация между ними была более конфликтная, нежели объединяющая [7].

Условные «экономическая» и политическая» группы «сражаются» за возможность контроля над ключевыми позициями в политике восточных регионов. Однако постепенно возникает сближение новых элитных групп.

В политическом пространстве Украины к началу текущего столетия складывается классический вариант олигархии, построенной на захвате «советского трофея», гораздо более связанной с внешними рынками нежели с интересами своей страны [8]. Поскольку восточная часть Украины была несомненно более экономически развитой и богатой, обладающей собственными серьезными инженерными и научными центрами, то и значимость «восточных» олигархов, в целом, была выше. И если «дома» (В Донецке, Луганске, Днепропетровске) олигархи еще считали необходимым проводить какую-то социальную политику в направлении населения, то основное население центральной и западной части страны полностью оттеснялось от политической сферы, не получая что-либо взамен. Разрыв между уровнем и образом жизни олигархата и его клиентелы и остальной части населения приобретает катастрофический характер. Вызывает к жизни сильнейшую антиэлитную волну, которую смогли «оседлать» националистически ориентированные представители политики западных и, отчасти, центральных областей Украины. Украинизация и русофобия начинают восприниматься как форма борьбы с элитой, ставшей олигархией.

Антиэлитные настроения, порожденные олигархической политикой украинской элиты 90-х, достигают пика к середине «нулевых» годов XXI века. Это и привело к событиям «оранжевой революции», когда антиолигархический протест приобрел характер конфликта между восточными и западными регионами страны.

Однако, несмотря на победу «западников», принципиально качество режима не изменилось. Плодами антиолигархического взрыва воспользовались конкретные персоны.

Режим остался олигархическим, лишь состав олигархата усложнился, включив в себя часть «экономических» агентов центральной и западной части Украины и «политических» агентов восточной. Возросла роль «политических инвесторов» из ЕС, стремившихся создать «пояс безопасности» на границах России, неожиданно быстро для европейских советников восстановившейся после краха СССР. Здесь в антиолигархическом пафосе был услышан лишь один компонент – антироссийский, который с этого времени и стал активно подогреваться через дотируемые со стороны ЕС и США средства массовой информации. Однако в тот момент попытка ориентироваться на «Запад» в период президентства В.А. Ющенко успехом не увенчалась. Хотя «политические инвестиции» и потекли в страну, их получателями оказалось отнюдь не население, но та же самая олигархия и ее «ближний круг», главным образом, СМИ и лидеры общественного мнения.

Завышенные, но не сбывшиеся ожидания населения Украины, связанные с приходом к власти лидеров «оранжевой революции», привели к падению популярности В.А. Ющенко и его сторонников даже в западных регионах. Последнее шатнуло маятник в другую сторону. На выборах победу одерживает В.Ф. Янукович, связывающий донецкую (восточную) группу политиков и предпринимателей и центральную власть в Киеве еще в период Л.Д. Кучмы, второго президента Украины.

Будучи хозяйственником, В. Ф. Янукович стремится сосредоточиться именно на экономических проектах. Он всячески поддерживает сохранение и рост промышленного потенциала Украины, лоббирует продвижение украинской продукции на новые рынки, в том числе российские и европейские. Естественно, в рамках постсоветской Украины приоритет отдается продукции предприятий Востока.

В.Ф. Януковича едва ли на тот момент можно назвать пророссийским политиком. В политике Янукович пытается придерживаться, унаследованного еще от Кучмы принципа «многовекторности». Идея нациестроительства на основе построения общеукраинской культуры на основе культуры «западнцев» вытесняется из официального дискурса, заменяясь идеей «процветания», качественного роста уровня жизни на основе экономического прогресса страны.

Трудно назвать какой-то один фактор, который привел к обрушению политической структуры Украины. Конечно, сыграла свою роль и крайне непоследовательная политика В. Ф. Януковича в условиях обострения противоречий между Россией и ЕС. Но едва ли это было единственным фактором. Возможно, что мобилизацию деструктивных сил вызвало и то обстоятельство, что у В. Ф. Януковича *получилось* выстроить достаточно эффективную экономическую политику, учитывающую интересы России.

Важно и то, что рост ВВП Украины в первое десятилетие текущего века почти в два раза (с 40,8% от уровня 1991 года до 76%) стал возможен именно за счет укрепления экономических связей с Россией, переживающей посткризисный экономический рост, в том числе рост производства и потребления [9].

В этих условиях разрыв с Россией оказывался чреват самыми негативными экономическими последствиями, особенно для восточных территорий. При этом, «идеальные образцы» потребительского поведения украинской элиты (олигархии, бюрократии), «приватизировавшей» ресурсы госдолжностей были связаны с Западом (ЕС, США).

Постепенно стремление «в Европу» становится одним из немногих порывов, охвативших, если не всю, то большую часть населения страны. Ключевую роль здесь сыграла идеологическое давление со стороны прозападных СМИ. Крайне неустойчивый и достаточно эфемерный образ «Украина – это Европа» подавался в качестве абсолютной реальности. В качестве примеров указывалось на прибалтийские страны, а также на многочисленных даже до открытия «безвиза» мигрантов в странах ЕС. О проблемах Прибалтики, о крайне низком статусе большинства украинских мигрантов в Европе не говорилось. Возникла двойственность: экономически страна была кровно заинтересована в интеграционных процессах с Россией, идеологически – стремилась «в Европу». Борьба этих тенденций и детерминировала повороты украинской политики начала XXI века. То одни, то другие факторы выходили на авансцену.

Во всяком случае, в 2014 г. происходит государственный переворот, поставивший точку в процессе мирного развития Украины. На первый план украинской политики выходят радикальные националистические деятели, идеи насильственной украинизации русскоязычных территорий, как способа сохранения единства страны становятся основой официального дискурса власти.

Безусловно, все эти трансформации затрагивали и Восток Украины, находящийся в ее составе. Но стоит учесть, что Украина даже в большей степени, чем Россия – страна регионов [10]. Здесь региональные особенности проявляются и в языковом, и в культурном отношении, и даже на уровне поведенческих стереотипов и политической идентичности.

Обсуждение

Серьезные геополитические изменения, произошедшие в 2014 и 2022 гг., обуславливают необходимость более детально исследовать развитие политической ситуации на новых территориях, и в частности в Донецкой народной республике (ДНР). Авторами уделено особое внимание именно этому региону.

Донбасс изначально был совершенно особой территорией в составе УССР. Он создавался еще в период Российской империи и «русского экономического чуда» начала XX века, был одним

из его зримых представлений, местом активного инвестирования и российского, и международного капитала.

В период СССР, особенно в послевоенный период, Донбасс превращается в мощный промышленный центр, связанный не только с добычей угля и производства металлов, но и развития химической промышленности, производства удобрений, машиностроения и т.д. В Донецке, Луганске, Днепропетровске складываются серьезные инженерные школы, образовательные центры. В отличие от большей части остальной территории страны, здесь примат индустриального развития ощущался очень сильно, хотя сельскохозяйственные предприятия тоже присутствовали. Это сказалось и на том, как воспринимали и переживали постсоветскую историю жители Донбасса, что они ждали от своих лидеров, какими хотели видеть элиты. И если, анализируя политические процессы в масштабах государства, мы можем опереться на вторичные данные, на теоретические модели, разработанные элитологами, то анализ ожиданий жителей ДНР, изменения их представления о своей судьбе, судьбе региона требует *полевого исследования*.

Это исследование и было проведено авторами в 2024-25 годах в ДНР. Основой эмпирической базы для анализа ожиданий населения стали неформализованные, биографические интервью с жителями разных городов и поселков ДНР.

Среди респондентов были 3 представителя муниципального управления, 4 активиста «антимайданного» движения, 5 работников промышленной сферы, дистанцирующихся от политики, 2 работника социальной сферы, 2 пенсионера. Всего 16 интервью. 3 респондента проживали на территории, которая была возвращена в состав ДНР после 2022 года. Остальные постоянно проживали в ДНР (с 2014 г.). Один респондент проживал в Киевской области, но прибыл в ДНР после государственного переворота.

Отбор респондентов проводился по методике «снежного кома» (предшествующий респондент дает рекомендации к последующему). В результате было задействовано 4 «цепочки» респондентов.

В ходе интервью, построенных в виде неформализованных бесед по предварительно составленному гайду (путеводителю), интервьюер стремился выяснить несколько вопросов. Часть из них относится к тому, кто с точки зрения жителей, в наибольшей степени может претендовать на лидерство. Часть вопросов была связана с переживаниями конфликта 2014 г. и предшествующих ему событий, событий СВО, отношении и ожидании от включения в состав России. Естественно, часть тем носила ретроспективный характер.

Практически все респонденты в интервью отмечают высокий уровень жизни в Донбассе в период СССР.

«Здесь же шахты. Шахтеры были почти в каждой семье. Ну, или как-то связаны были с шахтами. Там нормально платили. Ну, и снабжение тоже было нормальное. У нас особая гордость была, что дед шахтер и отец» (женщина, муниципальный служащий, 57 лет, житель Горловки).

Отмечался и высокий уровень солидарности жителей, особенно работников одного предприятия. Несмотря на то, что люди прибывали в Донецк со всей страны (СССР), они очень быстро становились «настоящими шахтерами». Наиболее уважаемыми людьми в регионе считались инженерные работники. Из них рекрутировалось руководство предприятий, да и региональные власти.

«Кто были самые уважаемые? Так и не скажешь. Много было хороших людей. Очень уважали тех, кто спускался в забои. Старики были такие, уважаемые. Кого еще? Ну, главным образом, инженеров, как говорили ИТР. Если начальник из них, значит будет грамотно руководить. Так считалось» (мужчина, пенсионер, 67 лет, житель Дебальцево).

В интервью отмечалось и отличие Донбасса от остальной Украины. Жители региона репрезентировались как более грамотные, более работающие, не стремящиеся хитрить, все делающие «прямо, как полагается рабочим». Соответственно, жителям западной части страны приписывалось желание обхитрить, выгадать что-то, нежелание работать.

Понятно, что подобное представление не может считаться отражением каких-то реальных качеств. Для нашего анализа важно то обстоятельство, что территориальное сообщество обладало достаточно устойчивой идентичностью, в рамках которой «западенцы» воспринимались как «чужие».

Неявно в интервью присутствовал и важный для нашего анализа момент, связанный с иерархией идентичностей. Именно ближайшая идентичность (семья, соседское и дружеское

окружение, шахта, поселок) была ключевой. Региональная и политическая идентичность была гораздо менее значима. Вхождение в большую страну, по мнению респондентов, должно было обеспечить комфортное существование именно локальных сообществ.

Распад СССР трактовался респондентами двояко. С одной стороны, *«Расстроились мы, конечно. Недавно же за него голосовали»*. С другой, перестройка уже сильно сказалась на уровне жизни шахтерских городов и поселков. Отмечаются задержки зарплаты, ухудшение снабжения. Отмечалось и сильнейшее идеологическое давление.

«Нам говорили, смотрите, мы больше, чем Франция. Будем жить как они. У нас же все свое. Будет у нас и уголь, и металл, и хлеб, и мясо, и сало. Тогда все были за независимую Украину. Ну, типа, так правильно. Все будем жить как короли» (мужчина, 46 лет, активист, г. Донецк).

Однако в самые кратчайшие сроки воодушевление первых дней независимости сменяется глубоким разочарованием. Во всех интервью, где эта тема нашла отражение, период первой половины 90-х гг. воспринимался как наиболее сложный. Привычный и устойчивый ритм жизни сменяется хаосом. Как и в России в начале 90-х гг., идет разграбление *«всего, что народ построил»*.

Много говорили респонденты о криминализации всех сфер жизни в начальный постсоветский период. Возможно, во всяком случае, по словам респондентов, в Донецке этот процесс был более активным, чем в западных регионах. Однако, здесь, в отличие от России криминал не оттесняется в маргинальные зоны, но выходит в качестве «предпринимателей» в публичное пространство. В море стихийного предпринимательства постепенно выделяются крупнейшие хозяйственные акторы, чаще всего, связанные с горнодобывающей сферой. Они или сами выходят в политическое пространство, или выдвигают туда своих представителей, отстаивающих их, прежде всего, экономические интересы.

Отношение к «предпринимателям» разнилось. Факторы, от которых зависело это отношение, достаточно полно отражены в одном из интервью.

«Кого можно описать как предпринимателей, они как были барыгами, не сильно их уважали, нет. Наверное, уважали ну может быть только тех, у кого история была и родители рабочие. На Угледорске был из предпринимателей, у которого отец работал главным инженером шахты, директором шахтоуправления. Вот сына из-за отца уважали. Еще его уважали за то, что он всегда помогал нуждающимся. Ну, то есть, сын того, но не сам как он, но он хочет и предпринимать, но молодец, тому помог, этому помог, вот этому помог, как-то так» (женщина, зам главы округа Дебальцево, образование высшее, 56 лет).

Судя по вторичным данным и результатам бесед с информантами, криминал здесь гораздо активнее, чем в России, инкорпорировался в состав элиты. Однако ключевым здесь оказывалось не столько прошлое актора, сколько «свой» он или «чужой», как он относится к населению, связаны ли с ним какие-то позитивные изменения.

«К Януковичу, в целом, нормально относились, хорошо. Все знали, что у него это... биография, в прошлом было. Это людям не очень важно. Но он как бы совсем отсюда, совсем наш. Для нас это было важно. Ну, и люди при нем стали жить лучше» (мужчина, пенсионер, 62 года, бывший шахтер, Горловка).

Это прекрасно понимали и люди, контролирующие экономическую, да и политическую жизнь региона (региональные элиты украинского периода). По словам респондентов, уровень жизни во втором десятилетии XXI века (при В.Ф. Януковиче) существенно вырос.

«Да, начал зарабатывать, могли позволить себе планировать ремонты, поездки какие-то, покупать дорогостоящие вещи. Опять же, могли себе позволить, допустим, тоже кредитную карту пойти взять. Ну то есть стабильно ты отдашь процент, ты распределил себе, ты его отдашь. Заработали больше банков, один-второй, то есть не один был здесь, а уже 3 или 4 банка. Могли себе позволять кредиты, могли даже отдавать их с процентами для того, чтобы улучшить себе там машины, купить какие-то...» (женщина, 38 лет, директор школы, образование высшее, г. Светлодарск).

«Оранжевая революция» (2004 г.) не стала особенно значимым событием для жителей региона [11]. То есть, отношение к ней было негативным, но. Как отмечают респонденты, на уровне жизни, на образе жизни в Донбассе она почти никак не сказалась. Собственно, поэтому, как считают респонденты, она и удалась. *«Донбасс тогда не поднялся. У нас все спокойно было»*.

Характеризуя жителей Донбасса, респонденты отмечают в качестве ведущих характеристик – спокойствие и терпение.

«Здесь же спокойно все было. В Киев тогда со всей страны бездельники и горлопаны ехали. А у нас люди работают, детей растят. Шахтеры выступали только тогда, когда шахты закрывали или много месяцев зарплаты не платили. Ну, тогда за ними и другие региона вставали» (мужчина, рабочий, образование среднее, 39 лет, г. Донецк).

Совершенно иначе воспринимали респонденты события 2014 года. Здесь к президенту Януковичу уже высказывались претензии в мягкотелости, в слабости и даже в предательстве тех, кто ему доверял. Сами же события госпереворота в регионе восприняли как прямое посягательство на благополучие и образ жизни жителей Донбасса.

«Да, Донбасс никогда же, нигде никак, он спокойно себе жил, работал. На нас всегда старались бочку катить. Но мы ничего. Пусть болтают. Пока не начали давить так, что терпеть уже нельзя. Начали, ну получили ответку. Все» (женщина, завхоз, Светлодарск, 46 лет).

Поддержка (голосование) идеи отдельной Донецкой народной республики, отмечают респонденты, в тот момент была массовой, как и сами протестные настроения. Однако ожидания населения Донбасса оправдались далеко не полностью. Предполагалось, что выйдет «как в Крыму, раз, и мы в России». Но вышло иначе. Региональные элиты предпочли «политически отстаивать» интересы жителей региона в Киеве, договариваться с победившим «Евромайданом». Судя по интервью, это было расценено жителями Донбасса как предательство, стремление «сдать своих».

Выводы

Таким образом, проведя анализ формирования и трансформации элит на Украине и, в частности, на Донбассе, можно прийти к выводу, что ключевым расколом, определившим судьбу Украины, стал не только конфликт между пророссийскими и проевропейскими векторами, но и глубокое внутреннее противоречие между разными типами элит и региональными идентичностями, унаследованными с советского периода существования Украины.

Проведенный анализ показывает, что конфликт на Украине – это не просто геополитический выбор между Западом и Востоком. Это последствие глубокого структурного кризиса, вызванного:

- Неоднородностью структуры и каналов рекрутирования политических и экономических элит современной Украины;
- Нереализованным проектом общеукраинской нациестроительства, который игнорировал идентичность восточных регионов, и спровоцировал перекося в украинский национализм;
- Построение олигархического государства, усугубившим социальное неравенство и региональные противоречия;
- Ценностным разрывом между Юго-Восточными регионами с одной стороны и Западными и частично Центральными регионами Украины с другой стороны.

Таким образом, события 2014 г. и последующий конфликт представлены как закономерный итог неразрешенных внутренних противоречий, заложенных в момент распада СССР.

Список источников

1. Бляхер Л. Е. Возможен ли постимперский проект: от взаимных претензий к общему будущему // Полития. 2008. № 1. С. 6-16.
2. Бляхер Л. Е. Средняя Азия между Тамерланом и Ататюрком (конструирование национальных государств в эпоху постмодерна) // Полития. 2009. № 1. С. 92-110.
3. Каспэ С.И. Содружество варварских королевств: независимые государства в поисках империи // Полития. 2008. № 1. С. 17-26.
4. Ставицкий А. В. Украинская идентичность: общие подходы конструирования и мифологизации. – Севастополь : Рибэст, 2013. – 160 с.
5. Тишков В. А. Нация, национализм и нациестроительство // Россия в глобальной политике. 2021. Т. 19. № 2 (108). С. 42-62.
6. Пенчук Б., Кузин С. Донецкая мафия: Антология. Киев: Полиграфкнига, 2006. 333 с.
7. Лапкин В. В., Пантин В. И. Кризис украинской государственности: политико-правовой, ценностный и геоэкономический аспекты // Полис. Политические исследования. 2014. № 5. С. 68-89.

8. Глазунов В. В. Становление украинского гражданского общества и олигархия // Гуманитарний вісник Запорізької державної інженерної академії. 2005. №. 22. С. 196-204.
9. Ткаченко В. Н. Суверенная бюрократия Украины: в зоне двойной периферии // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. 2010. №. 2 (104). С. 80-88.
10. Бакалинский М. Федерализация Украины как инструмент разрешения политического кризиса. Геополитика.ru [Электронный ресурс] URL: <https://www.geopolitika.ru/article/federalizaciya-ukrainy-kak-instrument-razresheniya-politicheskogo-krizisa>
11. Чернега В. Н. Конфликт на Украине: Причины, перспективы урегулирования // Актуальные проблемы Европы. 2020. № 2. С. 42-67.

References

1. Blyakher L.E. Is a post-imperial project possible: from mutual claims to a common future. *Politiya*. 2008; 1):6-16 (In Russ.)
2. Blyakher L.E. Central Asia between Tamerlane and Ataturk (the construction of nation-states in the postmodern era). *Politiya*. 2009;(1):92-110 (In Russ.)
3. Kaspé S.I. The Commonwealth of Barbarian Kingdoms: Independent States in Search of Empire. *Politiya*. 2008;(1):17-26 (In Russ.)
4. Stavitsky A.V. *Ukrainian identity: common approaches to construction and mythologization*. Sevastopol: Rube'st; 2013. 160 p. (In Russ.)
5. Tishkov V. A. Nation, nationalism and nation building. *Russia in Global Affairs*. 2021; 19(2(108)):42-62 (In Russ.)
6. Penchuk B., Kuzin S. *Donetsk Mafia: An Anthology*. Kiev. Poligrafkniga, 2006; 333 p. (In Russ.)
7. Lapkin V. V., Pantin V. I. The crisis of Ukrainian statehood: political, legal, value and geo-economic aspects. *Polis. Politicheskie issledovaniya*. 2014;(5):68-89 (In Russ.)
8. Glazunov V. V. The formation of Ukrainian civil society and the oligarchy. *Gumanitarnij visnik Zaporiz'koï derzhavnoï inzhenernoï akademii*. 2005;(22):196-204 (In Russ.)
9. Tkachenko V. N. The sovereign bureaucracy of Ukraine: in the zone of double periphery. *The Russian Public Opinion Herald. Data. Analysis. Discussions*. 2010;2(104);80-88 (In Russ.)
10. Bakalinskij M. Federalization of Ukraine as a tool for resolving the political crisis. *Geopolitika.ru*. Available from: <https://www.geopolitika.ru/article/federalizaciya-ukrainy-kak-instrument-razresheniya-politicheskogo-krizisa> (In Russ.)
11. Chernega V. N. The conflict in Ukraine: Causes, prospects for settlement. *Current problems of Europe*. 2020;(2);42-67 (In Russ.)

Информация об авторах

И. П. Джуляк – полномочный представитель губернатора Камчатского края; доцент кафедры «Экономика и менеджмент», Камчатский государственный технический университет.
А. О. Шуликов – кандидат политических наук, доцент кафедры «Экономика и менеджмент», Камчатский государственный технический университет.

Information about the authors

I. P. Dzhulyak – Plenipotentiary Representative of the Governor of the Kamchatka Territory; Associate Professor of the Department "Economics and Management", Kamchatka State Technical University.
A. O. Shulikov – Cand. Sci. (Polit), Associate Professor of the Department "Economics and Management", Kamchatka State Technical University.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts.

Статья поступила в редакцию 29.07.2025; одобрена после рецензирования 03.09.2025; принята к публикации 04.09.2025.

The article was submitted 29.07.2025; approved after reviewing 03.09.2025; accepted for publication 04.09.2025.